

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.12>

Чигирин Евгений Анатольевич

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОЭМЕ "КРЫСОЛОВ" М. ЦВЕТАЕВОЙ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

В данной статье рассматриваются приемы языковой игры в поэме М. Цветаевой "Крысолов", в которой участвуют поэтические окказионализмы и немецкие вкрапления. Ввиду тесной связи произведения с Германией изучаются история сюжета в немецкоязычном пространстве, а также поведение обозначенных языковых особенностей поэмы в немецком переводе текста, выполненном М.-Л. Ботт. При переводе на немецкий язык иноязычные вкрапления из оригинального текста в основном утрачивают свои функции. В случае перевода окказионализмов как правило предлагается подстрочный перевод, хотя во многих случаях переводчику удается максимально приблизиться к оригиналу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 271-276. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-17

Дата поступления рукописи: 03.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-2.12>

В данной статье рассматриваются приемы языковой игры в поэме М. Цветаевой «Крысолов», в которой участвуют поэтические окказионализмы и немецкие вкрапления. Ввиду тесной связи произведения с Германией изучаются история сюжета в немецкоязычном пространстве, а также поведение обозначенных языковых особенностей поэмы в немецком переводе текста, выполненном М.-Л. Ботт. При переводе на немецкий язык иноязычные вкрапления из оригинального текста в основном утрачивают свои функции. В случае перевода окказионализмов как правило предлагается подстрочный перевод, хотя во многих случаях переводчику удается максимально приблизиться к оригиналу.

Ключевые слова и фразы: Марина Цветаева; поэма; поэтические окказионализмы; немецкие вкрапления; языковая игра; поэтический билингвизм; перевод.

Чигирин Евгений Анатольевич, к. филол. н., доцент
Воронежский государственный университет инженерных технологий
chigirin_e@rambler.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОЭМЕ «КРЫСОЛОВ» М. ЦВЕТАЕВОЙ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Авангардизм и новаторство, присущие творчеству Марины Цветаевой, заметно выделяют ее на фоне русской поэзии Серебряного века.

В результате поэтического эксперимента ей удается заметно расширить границы русского языка и обнаружить в нем колоссальные возможности. Создавая свой неповторимый поэтический мир, художник слова порой выходит за пределы своего родного языка, что расценивается как воплощение свободы в отношениях поэта и языков, как степень совершенства в овладении языками, как возможность управления творческим процессом. Одним из таких иностранных языков, который нередко М. Цветаева использует в своих произведениях, выступает немецкий. В качестве яркого примера в этом отношении может рассматриваться поэма «Крысолов», в которой такие художественные средства, как окказионализмы и немецкие вкрапления, обращают на себя внимание уже при чтении оригинального текста. Не менее любопытно, с нашей точки зрения, проследить за «поведением» этих особенностей в переводе на немецкий язык, учитывая тесную связь поэмы с Германией и языком этой страны.

Именно поэтому нас интересуют обозначенные художественные средства данного произведения и их отражение в зеркале немецкого перевода, выполненного Марией-Луизой Ботт и опубликованного в 1982 году в специальном томе «Венского альманаха славистики» [12] (все цитаты из поэмы «Крысолов» в настоящей работе даются по этому изданию. – *Е. Ч.*).

1

История Крысолова относится к числу самых популярных в мире сюжетов, перекочевавших из немецкого фольклора сначала в немецкую литературу, а затем мировую. Помимо древних средневековых легенд, восходящих к XIII веку, в Германии известны народная песня, записанная Ахимом фон Арнимом и Клеменсом Брентано в «Волшебном роге мальчика» (“Des Knaben Wunderhorn” (1803)), легенда, вошедшая в сборник «Немецкие сказания» (“Deutsche Sagen”) братьев Гримм, а также созданные в XIX веке баллады Иогана Вольфганга фон Гете, Йозефа Эйхендорфа, Генриха Гейне, Карла Зимрока.

Кроме баллад, известны многочисленные литературные сказки, повести, пьесы, песни. Среди них можно назвать: Эмануэль Гейбель – «Песнь Крысолова» (“Lied des Rattenfängers”), Вильгельм Раабе – «Гамельнские дети» (“Die Kinder von Hameln”), Юлиус Вольф – «Гамельнский крысолов» (“Der Rattenfänger von Hameln: eine Aventure”), Карл Цукмайер – «Крысолов. Басня» (“Der Rattenfänger. Eine Fabel”) [13]. Весьма примечательные факты, связанные с гамельнской историей, можно обнаружить и в диссертации Генриха Шпанута [15].

История Крысолова часто преодолевала немецкое языковое и культурное пространство. Среди наиболее интересных литературных вариантов можно выделить балладу английского поэта Роберта Браунинга “The Pied Piper of Hamelin” (1842), поэтическое произведение в прозе чешского автора Виктора Дыка “Krysaf” (1911), сатирическую поэму-сказку «Крысолов» русской поэтессы Марины Цветаевой (1925) [18, S. 6].

В сюжетной основе цветаевской поэмы лежит знаменитая средневековая легенда о бродячем музыканте, повествующая, как в 1284 г. он избавил немецкий город Гамельн от нашествия крыс с помощью своей волшебной флейты. Но, не получив по договору в качестве вознаграждения в невесты дочь бургомистра, музыкант, снова используя свою флейту, уводит из всех домов детей, которые послушно входят в Везер и тонут.

Первоначальное посвящение поэмы гласило «моей Германии». Впоследствии, правда, автор его снимет и сопроводит подзаголовком «Лирическая сатира». Однако о любви М. Цветаевой к Германии известно. В эссе «О Германии» (1919) она признается: «Франция для меня легка, Россия – тяжела. Германия – по мне. Германия – дерево, дуб, heilige Eiche (Гёте! Зевес!) Германия – точная оболочка моего духа, Германия – моя плоть: ее реки (Ströme!) – мои руки, ее роши (Heine!) – мои волосы, она вся моя, и я вся – ee!» [9, т. 4, с. 550]. Эта страна в ее сознании всегда связывалась с немецкими поэтами, прежде всего с И. В. Гете и Г. Гейне. В своем послании от 12 апреля 1925 г., адресованном О. Е. Колбасиной-Черновой, Цветаева писала: «...Генриха Гейне – нежно люблю – насмешливо люблю – мой союзник во всех высотах и низинах, если таковые есть.

Ему посвящают то, что сейчас пишу...» [Там же, т. 6, с. 737]. Речь идет о поэме «Крысолов», первая глава которой была опубликована в № 4 журнала «Воля России» за 1925 г.

Цветаевского «Крысолова» чаще всего сравнивают с «Бродячими крысами» Г. Гейне. Действительно, как отмечено в книге И. Малинкович о «Крысолове», Гейне первый в использовании сюжета о Крысолове в литературе «сделал самих крыс символом новой исторической ситуации – выхода на арену истории коммунизма как идеологии...» [6, с. 63]. В связи с этим некоторые исследователи усматривают в поэме Цветаевой глубокий политический подтекст [2; 11, с. 140; 18, S. 30]. И хотя в отличие от многих поэтов-современников Марина Цветаева охотно использовала готовые сюжеты, полагаем, что в данном случае, опираясь на сюжет популярной легенды, поэт стремится проникнуть в сущность германского народного духа, при этом с присущей ему неординарностью тонко намекает на сложившуюся политическую ситуацию в России.

2

Марина Цветаева принадлежит к числу тех поэтов, которые активно занимались словотворчеством, а ее вербальное поэтическое мышление в зрелый период невозможно представить без производства индивидуально-авторских слов. Окказионализмы включают в себя слова разных частей речи, при этом используются продуктивные и непродуктивные способы словообразования. Для всех поэтических окказионализмов, представленных в поэме «Крысолов», характерна как экспрессия формы, так и экспрессия смысла. Она создается посредством использования разных значений производящей основы, контрастных стилистических характеристик, парадоксальных совмещений смыслов, форм взаимодействия с контекстом.

Вслед за О. Г. Ревзиной в своей работе под поэтическим окказионализмом мы понимаем «единицу поэтического языка, создаваемую поэтом-творцом поэтического идиолекта в соответствии с его художественным мышлением и его эстетическими установками и воплощающей эстетическое отношение к языку. <...> Поэтические окказионализмы вскрывают потенциалы словообразовательной системы, формируют область словообразовательного эксперимента. Главное в поэтическом окказионализме – его особая предназначенность: стать носителем определенных художественных смыслов, существенных для конкретного текста и для поэтического мира в целом. Поэтические окказионализмы связаны друг с другом и с другими явлениями в поэтическом идиолекте. Поэтические окказионализмы могут развивать индивидуально-авторскую семантику. Будучи глубоко обдуманной, поэтическая окказионализация функционирует в составе поэтического идиолекта как необходимые и неустраиваемые единицы» [8, с. 9-10].

Поэтические окказионализмы в «Крысолове» можно обнаружить во всех главах, кроме четвертой и шестой («Сны» и «Детский рай»).

В первой главе «Город Гаммельн» мы встречаем настоящее пиршество окказионализмов, моделью для которых выступил вполне привычный для русского языкового сознания способ образования топонимов, на чем делает акцент и сама Марина Цветаева («Ударение, как: Миргород, Белгород и пр.»):

Город грядок – Гаммельн, нравов добрых, складов полных, – Рай- город...	Die Stadt der kleinen Beete ist Hammeln, der guten Sitten, der vollen Speicher, – Paradies- Stadt...
Божья радость – Гаммельн, здравых – город, правых – город... Рай-город, пай-город, всяк свой пай берет,	Die Freude Gottes ist Hammeln, der Gesunden Stadt, der Gerechten Stadt... Paradies-Stadt, brave Stadt, jeder nimmt sich seinen Anteil,
Зай-город, загодя закупай-город.	Häschen- Stadt, rechtzeitig Kauf- ein-Stadt.
Без загадок – город, – гладок: Благость. Навык – город, – Рай- город...	Eine Stadt – Ohne Rätsel, – glatt: Gnade. Gewohnheits – Stadt, – Paradies- Stadt...
Божья заводь – Гаммельн, гадов – Бесу, сладок – Богу...	Die Bucht Gottes ist Hammeln, zuwider – dem Teufel, süß – Gott...
Рай-город, пай-город, Шмидтов-Майеров Царь-город, старшему уступай-город.	Paradies-Stadt, brave Stadt, Residenzstadt Der Schmidts und Maiers, dem Vorgesetzten Gib-nach-Stadt [12, S. 38-39].

Окказионализмы с ведущей основой «город» поражают экспрессией формы. Переводчик старается максимально близко подойти к оригинальному тексту, и в связи с этим идет по пути создания своеобразных немецких окказионализмов. Система немецкого словообразования позволяет это сделать. Переводчик выделяет графическую особенность русской составной лексики и поэтому также использует дефисное написание. С нашей

точки зрения, М.-Л. Ботт удается адекватно перевести первую часть топонима в виде целого слова («рай-город» – “Paradies-Stadt”), часть высказывания в виде повелительной глагольной формы («загодя закупай-город» – “rechtzeitig Kauf-ein-Stadt”), и даже квазиморфему («зай-город» – “Häschen-Stadt”). Но, как отмечает О. Г. Ревзина, в составе цветаевских окказионализмов реализуются также омонимичные значения. Так, первая часть окказионализма «пай-город» прочитывается на фоне таких слов русского языка, как «паинька», «пай-мальчик», таким образом, возникает несколько снисходительная, но, тем не менее, положительная характеристика жителей Гаммельна (она согласуется с тем, что Гаммельн – «Божья радость», и, соответственно, жители города – «божьи дети»). Но одновременно «пай» в русском языке означает «доля, материальная часть», и это значение поддерживается контекстом («всяк свой пай берет»), и окказиональное слово «пай-город» характеризует Гаммельн по экономическому признаку [8, с. 28]. В этом случае переводчику приходится нелегко. Правильно поняв русский контекст, М.-Л. Ботт переводит окказионализм «пай-город» как “brave Stadt”, оставляя экономическую характеристику города в выражении “jeder nimmt sich seinen Anteil”.

Интересные словообразовательные модели можно обнаружить в «Оде мере», представленной в третьей главе «Крысолова» («Напасть»):

В меру! Сочти и взвесь!
Переобедал – резь,
(Лысина – перескреб),
Перепостился – гроб,

Перелечил – чума!
Даже сходи с ума
В меру: щелчок на фунт:
Zuviel ist ungesund.

В меру и мочь и сметь:
Перезлословил – плеть,
Но и не переглядь:
– Только не передать! –

Не пере-через-край!
Даже и мере знай
Меру: вопрос секунд.
Zuviel ist ungesund.

В меру! Im rechten Mass!
Верный обманет глаз.
В царстве – давно – химер –
Вера и глазомер.

Mit Maßen! Ermesse und erwäge!
Hast zu gut gespeist – Bauchgrimmen,
(Eine Glatze – hast du zuviel gekratzt),
Hast du zuviel gefastet – einen Sarg,

Hast du zuviel kuriert – die Pest!
Selbst den Verstand verlier
Mit Maßen: einen Schnipser pro Pfund:
Zuviel ist ungesund.

Mit Maßen auch können und wagen:
Hast du zuviel verleumdet – die Rute.
Streichle aber auch nicht zuviel:
– Nur nicht zuviel geben! –

Nicht zuviel-über-alles-Maß!
Selbst auch im Maß wisse
Das Maß: eine Frage von Sekunden.
Zuviel ist ungesund.

Mit Maßen! *Im rechten Mass!*
Das verlässliche Auge trägt.
Ins Reich der Chimären /gehören/ – schon lange –
Glaube und Augenmaß [12, S. 62-63].

«Ода мере» представляет собой авторское монологическое слово, которое отражает и мнение самих гаммельнцев. Тема меры раскрывается посредством использования окказиональных глагольных форм с приставкой *пере-*, которые на уровне словообразования передают значение «переступить меру». Множество различных ситуаций, в которых присутствует параметр «мера», описывается с помощью глагольных форм. Глагольные формы представлены в однотипных по структуре предложениях с восклицанием, где стоит окказиональный глагол, называющий действие, преступающее меру (правило), а далее через тире – отрицательное следствие, то есть нарушение правила – и наказание (см. подробнее работу О. Г. Ревзиной).

М.-Л. Ботт, следуя оригиналу, сохраняет структурную однотипность восклицательных предложений. Естественно, что окказиональные глаголы не находят точных эквивалентов и передаются посредством глаголов с предшествующими им наречию “zuviel” или частице “zu”, которые соответственно переводятся «слишком много», «слишком». Ввиду того что большинство глаголов переведены формой прошедшего времени *Perfekt*, которая в своем образовании использует вспомогательный глагол, заметно удлиняется строка (вместо одного окказионального глагола – четыре немецких слова, два из которых глагола, при этом лишь один смыслообразующий). Например, «Переобедал» – “Hast du zu gut gespeist”, «перелечил» – “Hast du zuviel kuriert”, «перезлословил» – “Hast du zuviel verleumdet”.

В сущности, мы имеем дело с подстрочным переводом, который вбирает в себя особенности немецкого языка, поэтому во многих случаях теряется цветаевская ритмика. Хотя автор перевода указывает в предисловии, что перевод носит в значительной мере характер предложения, адресованного в первую очередь славистам, и должен восприниматься как простое понимание текста.

Параллельно с глагольными формами представляется интересным и окказионализм *пере-через-край*, который является тавтологически усиленной номинацией: в каждом из трех его составляющих элементов имеется сема «предел», «мера». *Через-край* выступает в качестве замены глагола с общим значением нарушения. При переводе М.-Л. Ботт использует достаточно богатую систему немецкого словообразования, от которой, возможно, оттолкнулась в данном случае и М. Цветаева. Как можно предположить, в переводном тексте также появляется своеобразный окказионализм “Nicht zuviel-über-alles-Maß”, композитнообразующими элементами которого являются “Nicht zuviel” + “Nicht über-alles-Maß”. В этом случае, с нашей точки зрения, переводчику удалось максимально приблизиться к оригиналу.

Тему помогают раскрыть и такие средства, как введение ключевой лексики с соответствующим значением: «Мера!», «В меру!», «В меру и мочь и сметь!», и ее столкновение с фразеологическим оборотом: «Даже и в мере знай Мери...». Нельзя оставить без внимания наречную форму «в меру», которая в оригинале представлена в виде немецкого вкрапления: «В меру! Im rechten Mass!». Этой же цели служит выступающее как рефрен полное иноязычное вкрапление в виде немецкой поговорки “Zuviel ist ungesund”, которое выполняет, кроме того, и рифмообразующую функцию. Все эти средства позволяют Марине Цветаевой создать своеобразный эффект внушения.

3

На немецких словах и выражениях, включенных в текст поэмы, хотелось бы остановиться более подробно, т.к. мы рассматриваем их как ярко выраженную особенность оригинального произведения. На это в свое время обращали внимание Г. Вытженс [17], Л. В. Зубова [3], К. Шефер [14].

Если говорить о «поэтическом билингвизме», следует принимать во внимание тот факт, что в «культурной памяти писателя существует такой момент, как иностранный язык или языки» [4, с. 31]. «Поэтический билингвизм – это факт творческого языкового взаимодействия на уровне художественного текста, один из способов обнаружения рефлексии лингвокреативного мышления автора» [7, с. 76].

Как считает Л. В. Зубова, «явление художественного билингвизма принципиально важно в идиостиле М. И. Цветаевой: русский язык ее поэзии, обнаруживая свои предельные возможности вплоть до реализации ретроспективных и перспективных языковых потенциалов, преодолевают эти пределы и оказываются проникаемыми для окказиональных заимствований. Иноязычные элементы включаются в произведения не только как экзотизмы, варваризмы и каламбуры, что обычно для художественной литературы, но и как основа моделирования идеологического смысла или образной системы произведения» [3, с. 40].

Действительно, М. Цветаева в поэме «Крысолов» просто «пересыпает» немецким языком, проявляя тем самым незаурядные способности своего «лингвокреативного мышления». Все встречающиеся в произведении немецкие слова и выражения можно отнести к категории иноязычных вкраплений. Придерживаясь мнения Ю. Т. Листровой-Правды, иноязычными вкраплениями мы считаем «единицы языка, которые не принадлежат системе использующего их языка и не функционируют в нем в качестве более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц. Признаком иноязычных вкраплений (всех групп и типов), производным от их обусловленности билингвизмом автора речи, является тот факт, что иноязычные вкрапления, в принявшей их речи представляют собой незамкнутый, открытый ряд явлений, который способен пополняться в любой момент (билингвом или полилингвом) из любого иностранного языка, известного ему» [5, с. 22-23].

В поэме М. Цветаевой многочисленные немецкие вкрапления выполняют различные функции:

- 1) формируют национальный колорит;
- 2) расширяют возможности рифмовки;
- 3) характеризуют какого-либо персонажа [10, с. 93].

В переводе сохраняются практически все частичные немецкие вкрапления без изменений, хотя они и «растворяются» в языке перевода, подобно тому, как медуза становится в воде малозаметной, почти невидимой» [1, с. 340]. Правда, в предисловии переводчик оговаривает тот момент, что все слова, представленные в оригинале латиницей, в переводном тексте выделяются другим шрифтом. Благодаря этому немецкий читатель может получить некоторое представление о языке цветаевского произведения. Например, довольно часто иносистемные языковые явления, которые привлекает поэт в виде немецких апеллятивов, подчеркивают германский колорит:

– К черту всю	Zum Teufel die ganze
Быль с ее трехсотлетними Lind'ами	Geschichte mit ihren dreihundertjährigen Lind'en!
– Идем завоевывать Индию!	– Laßt uns Indien erobern gehen [12, S. 92-93]!

Следуя цветаевскому тексту, переводчик в данном случае успешно решает задачу передачи немецкого вкрапления, сохраняя цветаевскую стилизацию иноязычного системного явления, которое в оригинале имеет морфологические признаки русского языка через окончание, присущее русскому субстантиву множественного числа творительного падежа.

Оригинальные приемы языковой игры довольно часто в «Крысолове» можно увидеть при участии частичных немецких вкраплений, которые представлены и в русской графике. Например:

Ждут, лихорадочные рои	Warten, fiebernde Schwärme
Крысьего штурм унд дранг'а!	Des Ratten-Sturm-und-Dranges:
С кошками мускусными бои	Kämpfe mit den Moschuskatzen
На побережьях Ганга	An den Ufern des Ganges
Ждут. Не до слоек, не до колбас	Warten. Uns ist nicht /mehr/ nach süßem Gebäck
Гаммельнских, венских, пражских!	Nicht nach Hammelner, Wiener, Prager Würsten.
Мы – на вселенную! Мир – на нас!	Wir /ziehen/ ins All! Die Welt – gegen uns!
Кто не пропах – отваясь!	Wer nicht verfault ist – der wag 's [Ibidem, S. 94-97]!

Иноязычное вкрапление «штурм унд дранг», органично вливающееся в ткань поэтического текста, поэт использует не только для образования рифмы посредством морфологического признака русского языка через окончание *-a*, но и умело привязывает его к Германии, ассоциируя с известным литературным движением

70-80 гг. XVIII в. “Sturm und Drang”. В переводном тексте, данное вкрапление никак не выделяется, но также прекрасно ложится в немецкую рифму.

Особого внимания среди достаточно большого количества немецких вкраплений в русской графике заслуживает и лексема «ратсгерр» (нем. *Ratsherr* – член муниципального совета), которая имеет довольно высокую частотность употребления (выявлено 15 случаев):

– Тайные, статские –	– Geheime – und Staats –,
Здравствуйте, ратсгерры!	Seid begrüßt, Ratsherren!
Старого Гаммельна	Des alten Hammelns
Стены избавлены	Mauern sind errettet
От даровых жильцов.	Von den nicht-zahlenden Bewohnern [Ibidem, S. 120-121].

Этот аппелятив, используемый по большей части для описания немецкой действительности, далее посредством его членения на две составляющих (рат и герр) включается в весьма оригинальную языковую игру, организованную М. Цветаевой. Т.к. оба слова имеют в немецком языке самостоятельное значение (Rat – советник, Herr – господин), их можно рассматривать как иноязычные вкрапления. «Автор, обыгрывая таким способом немецкое слово “ратсгерр”, вероятно, хотел интерпретировать первую часть слова по аналогии с немецким *die Ratte* – “крыса”, основываясь на фонетическом созвучии» [10, с. 89]:

Кипяток.	Kochen.
Топотеж.	Getrappel.
Раты – в скок,	Die Räte – springen /auf/,
Герры – в лежь	Die Herren – fallen um,
Раты – в ик,	Die Räte – bekommen Schluckauf,
Герры – чих.	Die Herren – beginnen zu niesen.
– И шутник!	– Na, das ist ein Spaßmacher!
– И жених!	– Na, das ist ein Bräutigam [12, S. 124-125]!

В поэме жадные и бездуховные ратсгерры уподоблены крысам, и в этом случае художественная функция реализуется посредством внутриязыковой (для немецкого языка) омонимии корней, которая теряется в немецком тексте. Звучащее в переводе слово во множественном числе “die Räte”, заменяя оригинальное немецкое вкрапление в русской графике с использованием морфологического признака русского языка «раты», передает только прямое значение.

Настойчивое пристрастие к деталям позволило Цветаевой создать окказиональное слово-псевдоварваризм «думсгерры», используя при этом в качестве основы немецкий компонент «герр»:

Ратсгерры, съядте!	Ratsherren, setzt euch!
Шутки – за рюмкой.	Scherze bei einem Gläschen.
Думсгерры, думьте!	Herren der Duma, denkt nach [Ibidem, S. 136-137]!

«Слово “думсгерр” (предположительно нем. *Dumsherr*) в немецко-русских словарях не зафиксировано, но его можно было бы считать “потенциальным словом”, так как оно составлено по законам немецкого языка из существующих в этом языке корней-основ» [10, с. 90]. Ассоциативно понятно, что первая часть окказионализма явно связана с русским глаголом «думать». При этом форма окказионального императива («думсгерры, думьте»), ориентирующая на потенциальный инфинитив «думать», снова отправляет читателя на Думскую площадь, где согласно сюжету и происходит действие. Интересный комментарий в этом отношении предлагает Л. В. Зубова: «Значение окказионализма “думсгерры” определяется суммой значений составляющих его морфем: “думсгерры” – это “члены думы, советники”, т.е. то же самое, что “ратсгерры” (Rat – “советник”, Ratsherr – “господин советник”). Однако в немецком языке есть слово *Dumme* со значением “дурак”. Так через совмещение значений фонетически совпадающих разноязычных корней цветавская интерференция приводит к вытеснению одного из значений и к замене его на противоположное» [3, с. 43]. В немецком переводе утрачивается тонкая межязыковая игра, которая вызывает восхищение при чтении оригинала, мы можем отметить только прямое значение: «Думсгерры – *Herren der Duma*».

Весьма неординарно автор поэмы подчеркивает германский колорит посредством обыгрывания этимологии имени музыканта «Ганс», одного из главных героев поэмы-сказки:

Очи – в узь,	Die Augen – verengen sich,
Щеки – в глянец.	Die Backen – beginnen zu glänzen.
– Ну и гусь!	– Na, das ist ein rarer Vogel!
– Ну и Ганс!	– Na, das ist ein Hans [12, S. 126-127]!

Следует отметить, что в данном случае в основе языковой игры лежит не прямое калькирование, а паронимическое созвучие немецких слов (*Gans* – «гусь» и *Hans* – имя собственное), этимологическая общность немецкого слова “Gans” и русского «гусь», восходящая к праиндоевропейскому языковому единству. При этом Л. В. Зубова метко замечает, что «немецкое имя Hans является и этимологическим, и знаковым аналогом русского имени “Иван”: и Ганс, и Иван – традиционные герои немецкого и русского фольклора (ср. “Иван-дурак”). Таким образом, включение имени персонажа в языковые и фольклорные связи обеих культур обогащает смысл имени-знака, а ирония М. Цветаевой в интерпретации поступка бюргеров получает подтверждение в реальности языковых отношений» [3, с. 42]. Даже если учесть близость фразеологических связей русского слова «гусь» («ну и гусь», «хорош гусь» и т.п. – о ненадежном или плутоватом человеке)

и фразеологических и словообразовательных связей немецкого слова “Gans” (“eine dumme Gans” – «дура», “Hanswurst” – «шут, скоморох»), в переводе эта связь не находит отражения. М.-Л. Ботт предпочитает перевести строчку «– Ну и гусь!» как “– Na, das ist ein rarer Vogel!”.

Обобщая рассмотренный материал, можно сделать следующие выводы. Окказионализмы в поэме М. Цветаевой возникают как результат номинативной потребности и имеют очень специфическое бытование, поэтому при переводе на другой язык к ним весьма затруднительно приблизиться, даже используя описательную форму. Немецкие вкрапления, представленные в тексте поэмы, подчеркивают не только место изображаемого действия и национальную принадлежность действующих героев, но и отличительные черты индивидуального стиля поэта, а также уровень его знаний и состав словаря. При переводе на немецкий язык немецкие вкрапления из оригинального текста в основном утрачивают свои функции, становятся едва «заметными» немецкоязычному читателю.

Посредством языковой игры с использованием русских окказиональных слов и немецких вкраплений М. Цветаевой удалось создать уникальное произведение русской литературы. При этом мы согласны с мнением Г. Вытженса, что поэма «Крысолов» едва ли адекватно переводима на другой язык [18, S. 37], более того, полагаем, что для правильного восприятия требует в качестве идеального читателя такого, который был бы подготовлен и в языковом (как в области русского языка, так и немецкого), и в культурологическом отношении в равной мере. Но, как отмечает Петер Утц, «перевод – это форма интерпретации. Именно та дистанция, которая возникает между переводом и исходным текстом и позволяет увидеть по-новому оригинал» [16, S. 13]. В то же время перевод поэмы, который предлагает М.-Л. Ботт, во многих местах является весьма удачным и позволяет познакомиться немецкому читателю с шедевром русской литературы, в основе которого лежит немецкая легенда.

Список источников

1. **Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе: монография. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
2. **Горькова Т. А.** Поэма «Крысолов» – политический контекст // Дни Марины Цветаевой – Вшеноры 2000: новые результаты исследований: Международная конференция 12-14 июня 2000 г. Вшеноры и Прага. Прага, 2002. С. 69-91.
3. **Зубова Л. В.** Художественный билингвизм в поэзии М. Цветаевой // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. 1988. Вып. 4. С. 40-45.
4. **Левинтон Г. А.** Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния (язык как подтекст) // Вторичные моделирующие системы. Тарту: ТГУ, 1979. С. 30-33.
5. **Листрова-Правда Ю. Т.** Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. 144 с.
6. **Малинкович И.** Судьба старинной легенды: И. В. Гете, К. Зимрок, Р. Браунинг, Г. Гейне, М. Цветаева. М.: Синее яблоко, 1999. 149 с.
7. **Нарынская М. Ю.** Структурно-семантические особенности лексико-синтаксических окказионализмов в идиолекте М. Цветаевой: дисс. ... к. филол. н. Ростов н/Д, 2004. 326 с.
8. **Ревзина О. Г.** Окказиональное слово в поэтическом языке Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4-х т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. Т. 2. С. 5-40.
9. **Цветаева М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подг., комм. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. 688 с.; 1995. Т. 6. Письма. 800 с.
10. **Чигирин Е. А.** Немецкие вкрапления в текстах Марины Цветаевой: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2002. 158 с.
11. **Эткинд Е.** Флейтист и крысы // Марина Цветаева. 1892-1992. Норвичский симпозиум. Нортфилд – Вермонт, 1992. Т. II. С. 118-153.
12. **Cvetaeva M.** Крысолов / der Rattenfänger / herausgegeben, übersetzt und kommentiert von M.-L. Bott mit einem Glossar von G. Wytzens // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1982. Sonderband 7. S. 27-181.
13. **Liebs E.** Kindheit und Tod. Der Rattenfänger-Mythos als Beitrag zur einer Kulturgeschichte der Kindheit. München: Wilhelm Fink Verlag, 1986. 283 S.
14. **Schäfer C.** Projizierte Sehnsucht und schöpferische Begegnung: die Bedeutung Rußlands und Deutschlands für das Leben und Werk R. M. Rilke und M. Cvetaevas sowie ihr Briefwechsel. Frankfurt am Main: Lang, 1996. 158 S.
15. **Spanuth H.** Der Rattenfänger von Hameln. Vom Werden und Sinn einer alten Sage. Hameln, 1951. 144 S.
16. **Utz P.** Anders gesagt – autrement dit – in other words. Übersetzt gelesen: Hoffmann, Fontane, Kafka, Musil. München: Carl Hanser Verlag, 2007. 336 S.
17. **Wytzens G.** Das Deutsche als Kunstmittel bei Marina Cvetaeva // Wiener Slawistisches Jahrbuch. Wien, 1969. Bd. 15. S. 59-70.
18. **Wytzens G.** Eine russische dichterische Gestaltung der Sage vom Hamelner Rattenfänger / Österreichische Akademie der Wissenschaft. Wien, 1981. Bd. 395. 42 S.

WORD PLAY IN THE POEM “THE RAT-CATCHER” BY M. TSVETAEVA AND ITS REFLECTION IN THE MIRROR OF THE GERMAN TRANSLATION

Chigirin Evgenii Anatol'evich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Voronezh State University of Engineering Technologies
chigirin_e@rambler.ru

The article considers the techniques of the word play in M. Tsvetaeva's poem “The Rat-catcher”, in which poetic occasionalisms and German inclusions participate. In view of the close connection of the work with Germany, the author examines the history of the plot in the German-language space and the behavior of the designated linguistic features of the poem in the German translation of the text made by M.-L. Bott. When translating into German, foreign-language inclusions from the original text lose basically their functions. In the case of occasionalisms translation, an interlinear translation is generally proposed, although in many cases the translator manages to get as close to the original as possible.

Key words and phrases: Marina Tsvetaeva; poem; poetic occasionalisms; German inclusions; language game; poetic bilingualism; translation.